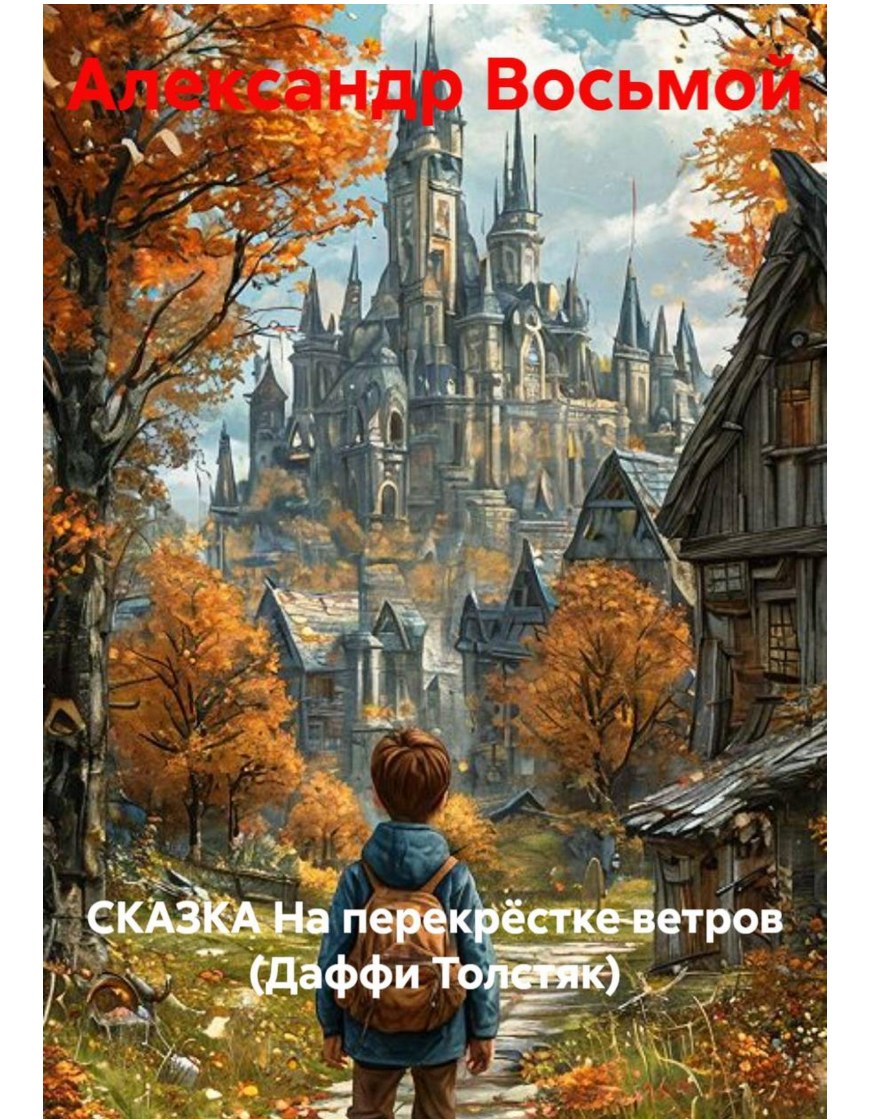

A young boy with brown hair, wearing a blue hoodie and a brown backpack, stands with his back to the viewer on a path covered in fallen autumn leaves. He is looking towards a large, ornate, grey stone castle with many spires and towers, situated on a hill. The scene is surrounded by trees with vibrant orange and yellow autumn foliage. To the right, there are some rustic wooden houses. The sky is blue with some white clouds.

Александр Восьмой

СКАЗКА На перекрёстке ветров
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

СКАЗКА На перекрёстке ветров (Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74131523>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город стоит на перекрёстке ветров, но никто не помнит, как он назывался раньше. Мальчик, умеющий слышать забытые слова, отправляется в путешествие по переулкам памяти, чтобы вернуть городу имя — и тем самым спасти его от исчезновения. Мистическая, атмосферная история о памяти и принадлежности.

Александр Восьмой

СКАЗКА На перекрёстке ветров (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Шёпот пустых табличек»

Сумерки в городе пахли пылью и старой бумагой — будто кто-то рассыпал по мостовым страницы забытых книг. Арс шёл по переулку, шаркая носками ботинок по щербатым булыжникам, и вдруг остановился у угла, где всегда висела табличка с названием улицы.

Раньше она называлась «Абрикосовая». Он знал это точно: бабушка каждый раз, сворачивая сюда, тихонько хмыкала: «Ну вот, опять на Абрикосовую... будто абрикосов тут когда-то росло хоть одно дерево». Но теперь буквы будто выцвели, словно их долго держали под дождём, а потом вытерли тряпкой. «А» почти исчезла, «Б» превратилась в неясную кляксу, а остальные буквы и вовсе рассыпались на отдельные чёрточки, похожие на следы жуков.

Арс протянул руку и коснулся таблички. Под пальцами осталась тонкая серая пыль. Он растер её между большим и указательным — она не была похожа на ржавчину или грязь. Это была пыль от букв. От слов. Как будто само название улицы стёрлось из памяти города — и теперь осыпалось наружу, чтобы никто не смог его вспомнить.

Он огляделся. Вдоль переулка тянулись дома с потускневшими фасадами, будто их слегка размыло водой. Тени лежали на мостовой не так, как обычно, — они были полупрозрачными, словно нарисованными не углём, а пеплом. И в этом полумраке Арс вдруг услышал звук, которого раньше не замечал: тихий, прерывистый шёпот, будто сотни людей одновременно пытались что-то сказать, но не могли подобрать слов.

Шёпот шёл отовсюду — из щелей между камнями, из открытых ставен, из пустоты между фонарными столбами. Арс замер, прислушиваясь. Это были не голоса людей. Это были забытые слова. Они цеплялись друг за друга, сталкивались, как сухие листья на ветру, и пытались сложиться во фразы, которые никто уже не мог понять.

«Помни...» — прошептал ветер у него над ухом, и слово прозвучало так отчётливо, что Арс вздрогнул.

«Не забывай...» — протянуло эхо из тёмного двора.

«Имя...» — еле слышно выдохнула тень на стене.

Арс попятился, прижимая ладонь к груди, где сердце колотилось так, будто хотело вырваться и убежать от этого шёпота. Но ноги не слушались. Он стоял и слушал, как город шепчет сам себе, пытаясь удержать то, что уже почти исчезло.

Когда он наконец решил пойти дальше, то заметил, что даже воздух стал тоньше. Он не обволакивал, как раньше, а скользил мимо, будто не хотел задерживаться в этом месте.

Дома казались чуть прозрачнее, будто сквозь них можно было разглядеть что-то за ними — но не дворы и сады, а пустоту, в которую медленно утекали воспоминания.

На перекрёстке Арс остановился и посмотрел вверх. Небо было густо-синим, почти фиолетовым, и в нём кружились не звёзды, а крошечные светящиеся пылинки — словно осколки чьих-то забытых имён. Он поднял голову и прошептал, сам не зная зачем:

— Как тебя зовут?

Ветер ответил не сразу. Он сначала покружил вокруг Арса, обнюхал его, как собака, а потом тихо вздохнул и прошептал в ответ:

— Никто не помнит.

И в этот момент Арс понял: если никто не вспомнит имя города, он исчезнет. Не с грохотом и пожаром, не под ударами грома, а тихо, как стирается надпись на запотевшем стекле — буква за буквой, слово за словом, пока не останется только пустота и ветер, гуляющий по пустым переулкам.

Он сжал кулаки. Где-то в глубине груди шевельнулось чувство, похожее на гнев, но чище и светлее — это было чувство ответственности. Город не мог исчезнуть. Не тогда, когда Арс его слышал. Не тогда, когда он мог различать шёпот забытых слов.

— Я вспомню, — прошептал он, глядя на тусклую табличку, с которой осыпалась последняя буква. — Я найду твоё имя.

Ветер снова вздохнул, на этот раз чуть тише, будто кивнул. И где-то вдали, за пределами слышимого, прозвучало слово, которое Арс не разобрал, но почувствовал всем телом — как толчок, как удар сердца.

Город ждал. И теперь у него был тот, кто готов был его услышать.

Глава 2. «Хранительница сквозняков»

Арс шёл по переулку, и с каждым шагом воздух становился всё более беспокойным. Ветер здесь не просто дул — он метался из стороны в сторону, нырял в подворотни, выскакивал из тёмных арок и снова исчезал, будто играл в прятки. Казалось, что сам город дышит прерывисто, судорожно, словно боится выдохнуть последнее слово.

На границе двух кварталов, там, где мостовая из булыжника сменялась растрескавшимся асфальтом, стоял дом, который будто не принадлежал ни одному из них. Он был скособочен, как человек, уставший держать спину прямо, а его окна смотрели на мир под разными углами — будто пытались увидеть сразу всё и ничего не пропустить. На косяке висела табличка, но не с названием улицы, а с короткой фразой: «Здесь помнят сквозняки».

Арс замер перед дверью. Он уже слышал этот шёпот ветра — не тот, что шептал забытые слова, а другой, более упрямый, будто ветер спорил сам с собой. И вдруг дверь приоткрылась сама, без скрипа, без усилия — просто скользнула

в сторону, приглашая войти.

Внутри пахло старым деревом, сухими травами и чем-то ещё, неуловимым, похожим на запах времени. В комнате было тесно от вещей, но не от хлама — от слов. По стенам висели старые вывески: потёртые, с облупившейся краской, но всё ещё читаемые. «Булочная», «Аптека», «Театр теней»... Рядом с ними — обрывки афиш, лоскутки газет, карточки с адресами, на которых чернила расплылись, но буквы ещё держались, цепляясь друг за друга, как утопающие.

В углу, у окна, сидела старушка. Её волосы были цвета пепла, а глаза — цвета тумана на рассвете. Она не смотрела на Арса, а будто слушала воздух, чуть наклонив голову, как птица, прислушивающаяся к далёкому крику.

— Ты слышишь, как ветер шепчет? — тихо спросила она, не поднимая взгляда. — Он не просто дует. Он уносит имена. Каждое слово, которое не повторяют, он забирает себе.

Арс сглотнул, чувствуя, как в горле становится сухо.

— Я... я хочу вернуть имя города, — прошептал он.

Старушка наконец подняла глаза. В них мелькнуло что-то похожее на улыбку, но не весёлую, а горьковатую, как у того, кто слишком много раз видел, как исчезают города.

— Тогда тебе нужно идти туда, где ветер сходится с ветром, — сказала она, протягивая руку к одной из вывесок. Пальцы её скользнули по буквам, словно она гладила старое, дорогое лицо. — На Перекрёсток Трёх Ветров. Там, где встречаются северный, западный и тот, что приходит из ни-

откуда. Там можно услышать самое первое имя города. Но ветер не любит, когда его заставляют вспоминать. Он будет прятать слова, путать следы, подменять воспоминания.

Она встала, подошла к стене и сняла одну из афиш — пожелтевшую, с едва различимым рисунком.

— Это было название улицы, которую уже никто не помнит. Я храню их, как драгоценности. Потому что слово — это якорь. Пока оно звучит, место остаётся на своём месте. А если слово исчезает, исчезает и всё вокруг.

Арс оглядел комнату, полную слов, и вдруг понял: эта старушка не просто собирала обрывки прошлого. Она держала город на месте. Каждый клочок бумаги, каждая выцветшая буква были гвоздями, которыми она прибивала город к земле, не давая ветру унести его.

— Почему ветер это делает? — спросил Арс, голос его дрожал.

— Ветер не злой, — ответила старушка, садясь обратно и глядя куда-то сквозь стену, будто видела то, что скрыто от других. — Он просто не умеет хранить. Он создан, чтобы уносить. И если люди перестают повторять имена, ветер делает своё дело. Он не спрашивает, правильно это или нет. Он просто дует.

Она протянула ему маленький предмет — кусочек металла, изогнутый, как завиток ветра.

— Возьми. Это часть старой вывески. В ней осталось немного слова. Держи её в кармане, когда ветер станет слиш-

ком сильным. Металл помнит тепло рук, а слово помнит звук голоса. Пусть это будет твоим напоминанием: ты не один в этом городе.

Арс взял кусочек металла. Он был тёплым, будто его только что держали в ладони.

— А как мне найти Перекрёсток Трёх Ветров? — спросил он.

Старушка улыбнулась, на этот раз чуть светлее.

— Иди туда, где ветер не знает, куда ему дуть. Где он замирает на мгновение, разрываясь между тремя путями. Там ты его почувствуешь. И если ты действительно хочешь услышать имя города, ветер тебе его прошепчет. Но только один раз. И только тому, кто готов его запомнить.

Арс кивнул, чувствуя, как внутри разгорается что-то твёрдое и решительное. Он больше не боялся ветра. Теперь он понимал: чтобы победить забвение, не нужно кричать. Нужно просто не перестать говорить.

Он поклонился старушке, как кланяются тем, кто хранит самое дорогое.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — ответила она, снова прислушиваясь к воздуху. — Просто не забывай. И не позволяй ветру забрать то, что важно.

Дверь тихо закрылась за Арсом. На улице ветер кружил, как будто пытался сбить его с пути. Но теперь Арс знал: ветер можно перехитрить. Нужно только идти туда, где он те-

ряется, и слушать, пока не услышишь самое первое слово.

Город ждал. И теперь у Арса был проводник — не карта, не компас, а память, собранная по крупицам, по буквам, по шёпота сквозняков.

Глава 3. «Мост, который помнит шаги»

Старый мост нависал над пересохшим руслом, будто застывшая волна — каменные арки выгибались вверх, а перила были покрыты резьбой, в которой угадывались силуэты людей, птиц и ветров. Он казался древнее самого города: будто не город вырос вокруг моста, а мост пришёл первым и позвал за собой улицы, дома и тени.

Арс остановился у начала моста. Воздух здесь был гуще, плотнее, будто пропитан воспоминаниями. Каждый вдох отдавался где-то внутри лёгким эхом, словно лёгкие повторяли чьи-то старые вздохи. Ветер не метался, как в городе, а стелился вдоль моста ровной, тяжёлой струёй, будто нёс на себе груз тысяч шагов.

Едва Арс ступил на первую плиту, под подошвой что-то отозвалось — не просто звук камня, а голос. Тихий, приглушённый, но отчётливый: «Я вернусь».

Он замер. Слово прозвучало не снаружи, а будто внутри головы — как воспоминание, которое не принадлежало ему.

Сделал шаг вперёд — и снова откликнулось: «Обещаю».

Ещё шаг — и мост заговорил всерьёз. Шаги Арса рождали не просто эхо, а чужие шаги, чужие голоса, чужие клятвы.

Лёгкие, почти невесомые — будто пробежал ребёнок, смеясь и не думая о будущем. Тяжёлые, медленные — будто человек нёс на плечах всё горе мира. Быстрые, тревожные — будто кто-то убегал от беды. И снова тихие, упрямые: «Я не забуду».

Арс закрыл глаза и прислушался. Теперь он видел эти шаги не глазами, а слухом: перед внутренним взором мелькали силуэты — женщина в плаще, мальчик с корзиной, старик с палкой, девушка, прижимающая к груди письмо. Они все прошли по этому мосту. И каждый оставил здесь слово.

— Ты слышишь их, — прошелестел ветер, и в этом шёпоте Арс различил голос Хранительницы сквозняков. — Мост не просто помнит. Он хранит обещания. И он не пропустит того, кто не способен помнить.

Арс сжал в кармане кусочек металла, который дала ему старушка. Металл был тёплым, будто напоминал: ты не один.

— Что мне нужно сделать? — прошептал он, не открывая глаз.

Мост ответил не словами, а звуком — длинным, низким, похожим на вздох земли. И в этом вздохе прозвучало: «Вспомни».

Не своё обещание. Чьё-то забытое. То, что было дано на этом мосту и стёрто из памяти города.

Арс снова шагнул вперёд, и мост отозвался: «Я буду ждать».

Он прислушался к этому голосу, к ритму, к интонации.

В нём было столько терпения и столько боли, что Арс почувствовал, как у него сжимается сердце. Это была женская речь, тихая, но твёрдая. Она звучала так, будто женщина стояла на середине моста, смотрела на закат и знала, что, возможно, больше не увидит того, кому давала слово.

И вдруг — вспышка воспоминания. Не его, но ставшее вдруг своим. Арс увидел (или услышал, или почувствовал — он не смог бы сказать точно) женщину в сером плаще. Она стояла на мосту, ветер трепал её волосы, а она шептала: «Даже если ты не вернёшься, я буду стоять здесь и помнить. Я не позволю ветру стереть твоё имя».

Слова вспыхнули в голове Арса, как огни на тёмной улице. Он открыл глаза и произнёс вслух:

— «Даже если ты не вернёшься, я буду стоять здесь и помнить. Я не позволю ветру стереть твоё имя».

Как только последние слова слетели с его губ, мост вздрогнул — не от гнева, а от облегчения, будто сбросил с плеч тяжёлый груз. Каменные плиты под ногами перестали отзываться чужими шагами. Теперь они звучали только его шагами — чёткими, уверенными, своими.

Но тишина длилась недолго. Едва Арс сделал ещё несколько шагов, как из-под перил, из щелей между камнями, из самой сердцевины моста поднялся новый звук — не шаги, а слово. Одно-единственное, древнее, словно высеченное в камне до того, как на свете появились люди:

— *Ветроград.*

Оно прозвучало тихо, почти беззвучно, но Арс услышал его всем телом. Это было имя города. Первое имя. То, с которого всё началось.

Он замер, боясь спугнуть слово, боясь, что ветер унесёт его, прежде чем он успеет запомнить. Но слово не улетало. Оно оставалось с ним, как тёплый свет внутри груди.

— Ветроград, — повторил Арс шёпотом, пробуя имя на вкус. Оно было тяжёлым, как камень, и лёгким, как дыхание. В нём слышался шум ветра, шелест листвы, скрип старых дверей и тихий смех детей.

Мост снова вздохнул — на этот раз одобрительно.

— Теперь ты знаешь, — прошептал ветер, и в его голосе Арс снова различил нотки голоса старушки. — Но знать — мало. Нужно, чтобы имя снова зазвучало. Чтобы его произнесли те, кто живёт в городе. Иначе ветер снова начнёт стирать буквы.

Арс кивнул. Он понял: мост не просто проверил его. Он дал ему ключ. Но дверь ещё предстояло открыть.

Он дошёл до конца моста и остановился, оглядываясь назад. Мост смотрел на него, как старый мудрец — строго, но не враждебно. Он выполнил свою часть пути. Теперь очередь была за Арсом.

Впереди лежал город, полупрозрачный, дрожащий на ветру, будто готовый исчезнуть в любой момент. Но теперь у Арса было слово. Имя. Якорь, за который можно было держаться.

— Я не позволю тебе исчезнуть, Ветроград, — прошептал он, крепче сжимая в кармане кусочек металла.

Ветер не ответил. Но на этот раз Арс не ждал ответа. Он уже знал: город слышит. И теперь ему нужно было сделать так, чтобы услышали все остальные.

Глава 4. «Колокольчик из тишины»

Мастерская стояла на отшибе, будто сама отодвинулась от города — чтобы не мешать ему забывать. Крыша её просела, как усталая спина, окна были затянуты паутиной, в которой запутались не мухи, а обрывки света. Дверь не скрипела, когда Арс толкнул её, — она просто поддалась, словно давно ждала этого прикосновения.

Внутри пахло деревом, пылью и чем-то ещё, едва уловимым — как запах тишины, которую долго хранили в бутылке и наконец открыли. Полки ломились от странных вещей: медных шестерёнок, стеклянных колб с застывшими пузырьками воздуха, деревянных фигурок, у которых не хватало лиц. В центре комнаты на грубом столе лежал маленький колокольчик.

Он был не похож на те, что вешают на двери или дарят детям. Его металл отливал не золотом и не серебром, а цветом сумерек — серо-фиолетовым, как небо перед первым дождём. На боку была выбита одна-единственная буква: «В». Не слово, не имя — только начало.

Арс протянул руку и осторожно коснулся язычка. Обычно

в этот момент рождается звон. Но колокольчик молчал. Он будто ждал не удара, а чего-то другого.

— Что ты хочешь услышать? — прошептал Арс, сам не зная, зачем говорит вслух.

И колокольчик ответил.

Не ударом, не трелью, а лёгким, прозрачным звуком — будто капля упала в идеально гладкое озеро. Звук был не громким, но очень ясным, как правда, которую никто не хотел замечать. И в этом звуке Арс слышал не мелодию, а слово, которое он только что произнёс.

Он попробовал снова, на этот раз другое слово:

— Дом.

Колокольчик отозвался чуть тише, но всё ещё чисто.

А потом Арс сказал слово, которое не любил произносить:

— Забыл.

И колокольчик почти не прозвучал. Его голос дрогнул, как пламя на сквозняке, и тут же погас.

Тогда Арс понял: колокольчик звенит не от касания, а от искренности. Чем правдивее и важнее слово, тем чище и сильнее его звук. А слова, пропитанные ложью или равнодушием, он просто не мог вынести — они гасили его голос.

— Ты будешь моим проводником, — тихо сказал Арс, и колокольчик отозвался долгим, тёплым звуком, будто согласился.

С этого момента колокольчик стал вести его. Арс шёл по переулкам, пробуя слова, как пробуют воду ногой, прежде

чем войти в реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.